

УДК 261.6
<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.43.108>

Элементы польской национальной мифологии в современном религиозном контексте

Ю. Г. Матушанская, Т. Р. Хуснутдинов*

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Выделяются различные элементы современной польской национальной мифологии в религиозном контексте, которые в разных формах присутствуют в польском обществе, а также касаются дискуссий вокруг польской национальной идентичности. Внимание уделяется разнице их проявлений в прошлом и настоящем. Указывается на то, что эти элементы входят в состав особого нарратива и идеологии, конструируемой сегодня по большей части консервативными политическими силами на основе ценностей, сформированных христианской, преимущественно католической, традицией.

Ключевые слова: национальная мифология, католическая церковь в Польше, католический нарратив, польский национальный миф, польский национализм, мессианизм, польский романтизм.

Для цитирования: Матушанская Ю. Г., Хуснутдинов Т. Р. Элементы польской национальной мифологии в современном религиозном контексте // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2023. Т. 43. С. 108–115. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.43.108>

Original article

Elements of Polish National Mythology in the Modern Religious Context

J. G. Matushanskaya, T. R. Khusnutdinov*

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract. In this article, the author highlights various elements of modern Polish national mythology in religious context, which are presents in different forms in Polish society and also relate to discussion around Polish national identity. Attention is paid to the difference between their manifestation in the past, and the present. The author points out, that these elements are part of special narrative and ideology constructed today, for the most part, by conservative political forces, based on values formed by a Christian, especially Catholic, tradition.

Keywords: national mythology, Catholic Church in Poland, catholic narrative, Polish national myth, Polish nationalism, messianism, Polish Romanticism.

For citation: Matushanskaya J. G., Khusnutdinov T. R. Elements of Polish National Mythology in the Modern Religious Context. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2023, vol. 43, pp. 108-115. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.43.108> (in Russian)

Вопрос процесса формирования национальной идентичности и содержания понятия «нация» в современном мире стоит особенно остро. Вызвано это различными причинами: возникновением на территории Восточной Европы ряда государств, до этого связанных с социалистическим блоком; ростом националистических настроений и обострением национальных вопросов; возросшей ролью в некоторых странах ранее ограниченных религиозных институтов в жизни людей; казусами международного права; относительно недавним появлением понятия «нация» и образованных от этого слова структур, их исследованиями; национальными конфликтами.

В этом свете тема польской нации и идентичности является одной из наиболее исследуемых. Бросается в глаза интерес к феномену религиозности – и на сегодняшний день польское общество тесно связано с католической традицией, о чем свидетельствует множество фактов влияния католичества на все сферы жизни. Однако в настоящее время, несмотря на устоявшийся стереотип «поляк-католик», присутствуют тенденции к секуляризации не только общества, но и сознания, что порождает множество новых дискуссий или поднимает старые, так как те или иные вопросы актуализируются согласно сложившейся в мире обстановке. Большое влияние имеют нарративы, которые используются всеми политическими силами, и в них одну из главнейших ролей играют мифы, а в контексте польского общества даже следует уточнить, что именно национальные мифы, отсылающие к различным символам, важным событиям, образам и их отдельным интерпретациям, имеющим большую важность для польской нации. Некоторые исследователи относят национальные мифы к разряду политических, наделяя их следующими качествами: «Во-первых, они конкретизируются применительно к актуальной политической ситуации, во-вторых, политические мифы зачастую носят в себе пропагандистский характер и содержат соответствующую идеологию, в-третьих, политические мифы рационализируются массовым сознанием, стремящимся воспринимать миф как истину» [1, с. 189]. Однако польскую национальную мифологию трудно назвать исключительно политической, поскольку ее формирование происходило на протяжении длительного времени, а появление многих ее элементов можно отсчитывать еще с периода Контрреформации.

Таким образом, польская национальная мифология существовала вне прямой зависимости от актуальной политической ситуации, в разных политических системах и в разных условиях свобод, когда главенствующие силы в Польше старались прервать ее существование. Польскую национальную мифологию можно было бы назвать больше политической при ее использовании в качестве идеологии уже в независимой Польше начала XX в. и современной. Идеологию эту называют еще «католическим нарративом». Например, Брайан-Портер, исследователь вопросов польской идентичности и связки «поляк – католик», говорит следующее: «Католический нарратив польской истории является чем-то большим, нежели осознанием того, что римский католицизм был и остается важным в Польше: это идеологически заряженный концептуальный фундамент, придающий особые смыслы прошлому и помогающий определить, что запомнилось, а что забыто» [13, с. 291]. Именно элементам польской национальной мифологии, существующим в нынешнем католическом нарративе, и посвящено настоящее исследование.

Цель данного исследования – выявить, каким образом элементы польского национального мифа, основанные на католической традиции, проявляются сегодня вокруг вопроса польской идентичности. Основными методами, использованными в ходе работы, были аналитический метод, по большей части в интерпретации Ж. Зубжицки, которая в своей статье также раскрывает национальные мифы, популярные в Польше, и их использование; историко-генетический метод, который позволяет проследить, какую форму феномены, религиозные символы, образы приобретают в разные исторические периоды (этот метод можно встретить у ряда авторов, например у Ж. Зубжицки или А. Вержбицки).

Кроме того, нами применялся культуралистский подход, описанный А. Кроликовской, который позволяет взглянуть на понятие «нация» гораздо пристальнее, чем на исключительно политический или идеологический феномен. Подобный подход распространен у целого ряда польских исследователей, и многие из них отсылают к этносимволизму Энтони Д. Смита, который как раз указывает на тесную связь романтизма и национализма, а также отказывается от однозначного конструктивистского взгляда на нацию, национализм, национальные мифы, образы и символы. При применении этого подхода следует учитывать, что те или иные интерпретации вышеперечисленных понятий могут в отдельно взятый момент времени браться на вооружение политиками, идеологами, что позволяет говорить о повышенном уровне конструктивизма и искусственности характера некоторых явлений.

В первую очередь стоит упомянуть, что огромное влияние имеет представление большинства исследователей о том, что формирование мифов и идей, их объединяющих, как и самой польской нации, происходило в эпоху романтизма со всеми вытекающими из этого особенностями, сохраняющимися сегодня. А. Кроликовская перечисляет эти особенности со ссылкой на известного автора, изучающего польский романтизм, Марию Янион: «...размещение идей над материальной реальностью; совершение суждений и решений о чем-то, базируясь на чувствах; протест против рабства; моральное величие неповиновения и жертвы; “внешняя очевидность свободы со стремлением к освобождению”; эстетизация и глубокое значение смерти (“Смерть создает различные перспективы к жизни”); убеждение, что мертвые, в особенности мученики, кто умер “за Веру и Свободу”, завещают живым свою последнюю волю и стремления» [11, с. 444]. Опираясь на это, можно сказать, что одним из важнейших элементов, пронизывающих польский национальный миф, является идея мессианизма. Она проявляется в особом видении феномена «польскости» на всех уровнях, которым обладает как отдельно взятый поляк и его внутренний мир, так и сложные структуры в виде семьи, общества, церкви, государства и самой нации. Особая роль всего перечисленного, которую, пожалуй, назовем метафизической Польшей ввиду множественных форм государственности и существования польского народа внутри других стран, заключается в искуплении грехов человечества, поскольку Польша является «Христом народов», в отличие от других, которым нужна помощь, дабы стать действительно христианскими государствами, причем через освобождение от угнетающих порядков.

Наиболее известным идеологом такого рода мессианизма является польский поэт Адам Мицкевич, чьи воззрения отразились на польском национальном движении во второй половине XIX – начале XX в., а также в Революции 1905 г.

Например, известно имя Александра Ледницкого, который, будучи либералом и членом Партии конституционных демократов, придерживался представлений об особенностях польского народа, который вкупе с русским народом должен сбросить с себя власть монарха и установить новое правительство, основанное на равных правах всех народов, проживающих на территории Российской империи [10, с. 301]. Для подтверждения своих убеждений, базирующихся на романтическом универсализме Адама Мицкевича, он отказался присоединиться к Польскому колу и стал представителем Минской губернии, поскольку выступал за интересы всех народов, проживающих на этой территории, а не только поляков [10, с. 310]. Однако уже Польше межвоенного периода «...политическая риторика об “универсальной свободе” и “братстве народов”, что сделала его популярным среди русских либералов, шла не в ногу с современными ему реалиями. Национальные проблемы военной и экономической безопасности являлись главными на повестке дня среди многих поляков, и космополитизм вместе с интернациональными взглядами Ледницкого были по большей части нежеланными» [Там же, с. 313]. Можно увидеть некоторое сходство и с понятием «катехон», развиваемым русским богословием и также касающимся эсхатологической функции государства и народа, что сочетается с представлениями о другом национальном мифе Польши как о защитнице и бастионе веры.

В настоящее время происходит возрождение мессианской идеи, только уже преимущественно в рамках идеологии, продвигаемой консервативными силами, и она также содержит в себе элементы католического нарратива. Эта концепция исключительности польского народа и историософического взгляда на события приобретает другой характер и обращает внимание более на приземленный, прагматический и политизированный смысл, нежели на абстрактную идею особой роли поляков в делах спасения человечества, хотя стоит сказать, что последнее всегда было в тени основного стремления добиться независимости и справедливости. Это не удивительно, если учитывать, что осуществление миссии происходит в результате революций и структурных изменений в обществе, что становилось причиной роста мессианских чаяний в период деятельности движения «Солидарность», в том числе поддерживаемой высочайшими духовными лицами, такими как кардинал Стефан Вышинский, а также Папа Римский Иоанн-Павел II [7, с. 46].

Подобное происходит и в нынешней Польше начиная с 2004–2005 гг., когда после разочарования итогами 1989 г. и последствиями либерализации лидирующими тогда консервативными силами, а именно партией «Право и Справедливость», было объявлено о создании так называемой исторической политики: «Ее главным лозунгом стал отказ от “критического патриотизма” и возвращение к неоконсервативной национальной идеологии под девизом “патриотизм завтрашнего дня”» [8, с. 44]. Через нее общество должно было вновь трансформироваться в IV Речь Посполитую, только уже через моральную революцию [4, с. 176].

Следующим элементом польского национального мифа, тесно переплетенным с предыдущим, являются сакрализация исторических событий, дат, личностей и мест и встраивание их в идеологический контекст, наполненный мессианизмом и мартирологией. Подобное присутствует во всех культурах, однако именно польский опыт представляет наибольший интерес, потому что оказывается особо выразительным и актуальным. Так, создается определенная интерпре-

тация исторических событий, заключающаяся в связывании их в одну линию, которую можно охарактеризовать как борьбу польского народа за независимость, причем даже если независимость уже была получена, как было показано на примере IV Речи Посполитой, и восстановление исторической справедливости, поскольку польский народ оказался в ситуации несправедливости и угнетения, хотя был все это время носителем как христианских ценностей, так и западных, основанных на стремлении к свободе, а также долгое время исполнял роль «оплота веры».

«Миф о Польше как “Христе среди народов” столь мощен потому, что на протяжении большей части современной истории Польша находилась под колониальным управлением или иноземной оккупацией» [3, с. 55]. Благодаря усилиям консервативной партии появились культурные центры вроде музея Варшавского восстания или музея Второй мировой войны, где широкой публике представлен польский взгляд на произошедшие события и главное внимание обращено на то, как польский народ пострадал от различных режимов. В контексте русско-польских отношений острым является Катынский расстрел, жертвы которого обрели статус национальных мучеников. Наиболее показательными сегодня остаются последствия Смоленской трагедии 2010 г., когда в результате авиакатастрофы погиб ряд высокопоставленных польских политиков, в числе которых был действующий на тот момент президент Польши Лех Качиньский. Трагедия вызвала рост националистических и прокатолических настроений в обществе, поскольку в идеологию встроился нарратив о намеренном убийстве Россией Леха Качиньского, который как раз направлялся почтить память жертв Катынского расстрела, что добавило польскому обществу поводов объявить его мучеником и еще одной жертвой враждебных сил даже внутри самой Польши [5, с. 176].

Особый статус получали не только мученики, но и пророки, например деятель эпохи Контрреформации Петр Скарга, которому известный польский историк Януш Тазбир посвятил свою монографию [14, с. 298]. Свою популярность иезуит получил во время эпохи разделов Польши, он предвидел этот исход в случае игнорирования проблем, описываемых им в «Сеймовых проповедях». Необходимо сказать и о первом польском Папе Римском Иоанне-Павле II, почитание которого в Польше действительно можно назвать культом, поскольку он в сознании поляков является защитником католической церкви и польской независимости во времена ПНР. Благодаря его деятельности были выстроены особые отношения с Ватиканом и другими европейскими церквями. Помимо этого, Иоанн-Павел II во многом был идеологом современного католического нарратива, так как именно им были сформулированы тезисы, укрепившие установку «поляк-католик» и связь Польши с католической церковью.

Значительное влияние имеет и образ примаса Польши кардинала Стефана Вышиньского, беатифицированного совсем недавно, в 2021 г. Известен он прежде всего своим посредничеством между Ватиканом, польским епископатом и властями ПНР [9, с. 110], защитой католической церкви и польского общества от социализма и атеизма, способствованием тому, чтобы Кароль Войтыла взошел на папский престол, а также чтобы было отмечено тысячелетие Крещения Польши, ставшее не только религиозным торжеством, но и торжеством национальным, подчеркивающим национальную гордость и стремление к суверенитету [2, с. 77]. Основные торжества происходили в другом сакральном для поляков месте – Ясногорском монастыре в Ченстохове. Национальный миф, построенный

вокруг этого места, можно назвать одним из первых, так как он берет свое начало из эпизода Шведского потопа, когда защитникам монастыря удалось одержать победу над протестантским войском шведов, превосходящим их по численности. Этот монастырь стал важнейшим символом и духовным центром страны, где были обновлены обеты польского короля Яна II Казимира, объявившего Деву Марию королевой Польши, а католичество неизменной верой [2, с. 78]. Не менее важным символом, связанным с этим местом, стала Ченстоховская икона Божьей Матери, согласно легенде защитившая от шведов обитателей монастыря. Феномену культа монастыря в Ченстохове и иконе Ченстоховской Божьей Матери посвящена монография А. Недзведь, в том числе затрагивающая современное использование их образов: «Социальной нормой стало размещение изображения на знаменах политических партий, подчеркивающих свои идеологические связи с традициями католической церкви» [12, с. 287].

В том же XVII в., спустя 28 лет после защиты Ясной Горы, Яном III Собеским была одержана победа над Османской империей, что еще больше укрепило Польшу в статусе «бастиона веры». Эта концепция тоже является элементом польского национального мифа и находит свое отражение как в XX в., так и сейчас. В XX в., в межвоенное время, Польша рассматривалась как оплот христианской веры, противостоящий коммунизму: «Католическая церковь того периода противопоставляла “поляка-католика” “большевику-атеисту” и “жидомасону»» [6, с. 28]. Сейчас же противопоставление приобрело внутреннеполитический характер, и в обществе через различных церковных деятелей циркулирует мысль, что католики внутри самой страны «осаждены» носителями современной культуры, которые пытаются навязать новую модель общества: светскую, левую, размывающую национальную идентичность через навязывание культуры потребления, толерантности, рекламы [13, с. 290].

Таким образом, в современной Польше можно выделить четыре крупных элемента национального мифа, которые берут начало с эпохи Контрреформации и романтизма, однако в настоящее время по большей части адаптируются и берутся на вооружение в политической борьбе консервативными силами. Мессианизм вместе с другим элементом национального мифа, а именно мартирологией, тесно переплетены и соединяют исторические события, особенно трагические, в одну линию, в которой польский народ претерпевал те же страдания, что претерпел Христос, и продолжает это делать. Решением может служить смена установленного несправедливого порядка, в том числе за счет «моральной революции», включающей в первую очередь соответствие католическим ценностям и интересам нации, о чем свидетельствует такой элемент национального мифа, как установка «поляк-католик» со всем соответствующим католическим нарративом, приравнивающим всю культуру польского народа к католической традиции.

Еще одним элементом является миф о «бастионе веры», коим согласно представлениям Польша являлась начиная со своего крещения в 966 г. Сквозь века враги менялись: православные, мусульмане, протестанты, иудеи, атеисты-большевики, социалистические партии, либералы и сторонники концепции светского государства. Как видно, защита страны требуется как от внешних посягательств, так и от внутренних, дабы противостоящие «истинной силе» не смогли дестабилизировать государство и сбить его с пути к построению, например, IV Речи Посполитой.

К основным четырем элементам можно добавить и утопизм, находящий свое отражение на протяжении истории польского народа. Хоть поиск путей по построению идеального государства присущ почти всем народам, изучение этой темы в рамках польской политической и религиозной мысли представляет особый интерес ввиду описываемых в статье актуальной ситуации и прошлого разных форм польской государственности, в особенности Речи Посполитой и ее проблем, уже тогда выделявшихся ее современниками.

Список литературы

1. Балахонская Ю. В. Отличительные особенности политической мифологии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3(67). С. 189–194.
2. Вержбицки А. Католицизм и польское нациестроительство // Вопросы национализма. 2014. № 1(17). С. 69–89.
3. Зубжыцки Ж. Polonia semper fidelis. Национальная мифология, религия и политика в Польше // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 3(34). С. 44–78.
4. Лагно А. Прекрасное далеко: идея «Морального обновления» польского общества // Вестник Московского университета. Серия 21, Управление (государство и общество). 2017. № 2. С. 174–184.
5. Лыкошина Л. С. «Историческая политика» современной Польши в контексте российско-польских отношений // Славянский альманах. 2015. № 1-2. С. 170–179.
6. Лыкошина Л. С. Польская идентичность в контексте политического развития страны // Европеизм и национализм в странах Восточной Европы : сб. науч. тр. 2014. № 2014. С. 27–47.
7. Назаров М. «О духовных истоках «Солидарности» // Посев. Франкфурт-на-Майне, 1982. № 9. С. 46–49.
8. Траба Р. Польские споры об истории в XXI в. // Pro et Contra. 2009. № 3-4(46) С. 43–64.
9. Филиппов Б. Кардинал Стефан Вышинский – инициатор и критик «Восточной политики» Ватикана (1958–1978) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1(35). С. 98–122.
10. Kier Wise A. Polish messianism and Polish-Russian relations: the influence of Adam Mickiewicz on Aleksander Lednicki // The Polish Review. 2002. Vol 3, N 3. P. 301–315.
11. Krolikowska A. The Question of the Persistence of Romantic Nationalism in Poland with Regard to its Religious Aspects // Kirchliche Zeitgeschichte. 2018. Vol. 31, N 2. P. 441–459.
12. Niedźwiedz A. Znaczenia wizerunku Matki Boskiej Częstochowskiej. Krakow : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005. 311 p.
13. Porter B. The Catholic Nation: Religion, Identity, and the Narratives of Polish History // Slavic and East European Journal. 2001. N 2. P. 289–299.
14. Tazbir J. Piotr Skarga, Szymierz kontreformacji. Warszawa, 1978. 344 p.

References

1. Balakhonskaya J.V. Otlichitelnye osobennosti politicheskoi mifologii [Distinctive special features of the political mythology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 3(67), pp. 189-194 (in Russian)
2. Verzhbitski A. Katolitsizm i polskoe natsiestroitelstvo [Catholicism and Polish nation-building]. *Moscow, Studies in Nationalism*, 2014, no. 1(17), pp. 69-89. (in Russian)
3. Zubzhitski Z. Polonia semper fidelis. Natsionalnaia mifologiya, religiya i politika v Polshе [Polonia semper fidelis? National Mythology, Religion and Politics in Poland]. *State, Religion and Church*, 2016, no. 3(34), pp. 44-78 (in Russian)
4. Lagno A. Prekrasnoe daleko: ideia “Moralnogo obnoveniia” polskogo obshchestva [Beautiful far: The Idea of a “Moral Renewal” of Polish Society]. *Moscow, Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*, 2017, no. 2, pp. 174-184 (in Russian)
5. Lykoshina L.S. “Istoricheskaiia politika” sovremennoi Pol'shi v kontekste rossiisko-pol'skikh otnoshenii [The “Historical Policy” of modern Poland in the light of Russian-Polish relations]. *Slavianskii almanakh* [Slavic Almanac], 2015, no. 1-2, pp. 170-179 (in Russian)

6. Lykoshina L.S. Polskaia identichnost v kontekste politicheskogo razvitiia strany [Polish Identity in the Context of the Country's Political Development]. *Evropeizm i natsionalizm v stranakh Vostochnoi Evropy* [Europeism and Nationalism in Countries of Eastern Europe], 2014, no. 2014, pp. 27-47 (in Russian)
7. Nazarov M. O dukhovnykh istokakh "Solidarnosti" [About spiritual origins of "Solidarity"]. Frankfurt-na-Maine, Posev, 1982, no. 9, pp. 46-49 (in Russian)
8. Traba R. Polskie spory ob istorii v XXI v. [Polish disputes about history in the 21th century]. *Pro et Contra*, 2009, no. 3-4(46), pp. 43-64 (in Russian)
9. Filippov B. Kardinal Stefan Vyshinskii – initsiator i kritik "Vostochnoi politiki" Vatikana (1958-1978) [Cardinal Wyszynski – Initiator and Critic of Vatican's "Eastern Policy", 1945-1978]. *State, Religion and Church*, 2017, no. 1(35), pp. 98-122 (in Russian)
10. Kier Wise A. Polish messianism and Polish-Russian relations: the influence of Adam Mickiewicz on Aleksander Lednicki. *The Polish Review*, 2002, vol. 3, no. 3. pp. 301-315.
11. Krolikowska A. The Question of the Persistence of Romantic Nationalism in Poland with Regard to its Religious Aspects. *Kirchliche Zeitgeschichte*, 2018, vol. 31, no. 2, pp. 441-459.
12. Niedźwiedz A. *Znaczenia wizerunku Matki Boskiej Częstochowskiej*. Krakow, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005, 311 p.
13. Porter B. The Catholic Nation: Religion, Identity, and the Narratives of Polish History. *Slavic and East European Journal*, 2001, no. 2. pp. 289-299.
14. Tazbir J. *Piotr Skarga, Szermierz kontrreformacji*. Warszawa, 1978, 344 p.

Сведения об авторах

Матушанская Юлия Григорьевна
 доктор философских наук, профессор,
 кафедра религиоведения
 Казанский (Приволжский) Федеральный
 университет
 Российская Федерация, г. Казань, 420111,
 ул. Кремлевская, 35
 e-mail: jgm2007@yandex.ru
 ORCID: 0000-0001-9950-5866

Хуснутдинов Тимур Ренатович
 аспирант, кафедра религиоведения
 Казанский (Приволжский) федеральный
 университет
 Российская Федерация, г. Казань, 420111,
 ул. Кремлевская, 35
 e-mail: husnutdinov.timur@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-6183-5947

Information about the authors

Matushanskaya Julia Grigorievna
 Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
 Department of Religious Studies
 Kazan (Volga Region) Federal University
 35, Kremlyovskaya st., Kazan, 420111,
 Russian Federation
 e-mail: jgm2007@yandex.ru
 ORCID: 0000-0001-9950-5866

Khusnutdinov Timur Renatovich
 Postgraduate, Department of Religious Studies
 Kazan (Volga Region) Federal University
 35, Kremlyovskaya st., Kazan, 420111,
 Russian Federation
 e-mail: husnutdinov.timur@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-6183-5947